

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ А. Н. КОПЫЛОВА

А. Н. Копылов в своем письме пишет: «Возможно, я что-то не учел, недостаточно четко отразил заслуги своих коллег. Но у меня никогда не было и не могло быть мысли об ущемлении чьих-либо авторских заслуг». С удовлетворением принимая его последнее заявление, следует все же отметить, что между субъективными намерениями и объективной значимостью действий А. Н. Копылова существует тем не менее резкий разрыв. Постараюсь еще раз терпеливо объяснить, что именно не учел А. Н. Копылов и в чем он «недостаточно отразил заслуги» своих коллег.

Это разъяснение необходимо, ибо в общественном смысле присвоение себе заслуг других исследователей, а особенно младших, — дело весьма серьезное.

В своем письме в редакцию А. Н. Копылов заявляет: «...вызывает недоумение утверждение Д. С. Лихачева о том, что автором (и единственным) текстов о круге чтения сибиряков в макете II тома „Истории Сибири“ является Е. К. Ромодановская, а А. Н. Копылову принадлежит лишь „небольшая редакционная правка“». Это не совсем так: в моем «Письме в редакцию» указаны те небольшие абзацы, которые принадлежат А. Н. Копылову. И только ими, по существующим этическим нормам, А. Н. Копылов имел право распоряжаться единолично, независимо от того, сколь значительна была редакционная правка всего остального текста этих разделов.

Каковы же реальные размеры участия А. Н. Копылова в этом остальном тексте (т. е. в подавляющем большинстве разделов)?

Поскольку А. Н. Копылов возражает против сделанного в «Письме в редакцию» сопоставления текста его книги с соответствующим текстом макета, утверждая, что Е. К. Ромодановская предоставила ему «материалы», а автором макета был только он, сопоставим текст книги А. Н. Копылова и макета с двумя работами Е. К. Ромодановской: ее статьей «О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур»¹, подписанной к печати одновременно с макетом тома I «Истории Сибири» в мае 1965 г. и являющейся, по признанию А. Н. Копылова, «ее самостоятельным исследованием», и с одноименным докладом, представленным в Пушкинский Дом в мае 1964 г. (за год до макета)² и использованным далее в ее вышеупомянутой статье и в ее диссертации, защищенной в ИРЛИ³.

И. Доклад Е. К. Ромодановской.

«Первые известные нам книги, появивши-

ся в Сибири в XVII в. и официально зарегистрированные, были богослужебные. Сибирский приказ приобретал в „книжном ряду“, в „овощном ряду“ или брал с Печатного двора по челобитью сибирских архиепископов такие книги, как Апостол, Евангелия (напрестольные), Псалтыри, Минеи, Октаи певчие, Требники, Служебники, „Устав большой“ и т. п. Того же рода книги привозили в Сибирь купцы. Так, в Тобольских таможенных книгах в 1640 (148) г. среди другого товара у отдельных купцов были зарегистрированы книги: Минея месячная, Псалтырь учебная, Служебники, Часовники. Товарные ценные росписи г. Енисейска за 1649 и 1687 гг. дают в основном тот же состав продаваемой литературы, добавив сюда „Маргарит“, Святыи, Азбуки, Апокалипсис, „Житие Николино“, „Книгу грамматик“. Особой книжной торговли не существовало: книги продавались наряду с различной церковной утварью — ризами, церковными сосудами, иконами и проч., что также говорит об их служебном назначении» (стр. 7).

Статья Е. К. Ромодановской «О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв.»: «Сведения об официальной торговле книгами в XVII в. говорят только о богослужебных книгах. Сибирский приказ приобретал в „книжном ряду“, в „овощном ряду“ или брал с Печатного двора такие книги как Апостол, Евангелия (напрестольные), Псалтыри, Минеи, Октаи певчие, Требники, Служебники, Устав большой и т. п. Того же рода книги привозили в Сибирь купцы. Так, в Тобольских таможенных книгах в 1640 (148) г. среди другого товара были зарегистрированы: Минея месячная, Псалтырь учебная, Служебники, Часовники. Товарные ценные росписи г. Енисейска за 1649 и 1687 гг. дают в основном тот же состав продаваемой литературы, добавив „Маргарит“, Святыи, Азбуки, Апокалипсис, „Житие Николино“, „Книгу грамматик“. Книжная торговля определялась не интересами читателей, а нуждами вновь строящихся церквей. Служебное назначение книг подтверждается и тем, что особой книжной торговли не существовало: книги продавались вместе с церковной утварью — ризами, иконами, церковными сосудами» (стр. 227—228).

Макет: «Сибирские церкви снабжались богослужебными книгами в централизованном порядке. По заявкам архиепископов (затем митрополитов) Сибирский приказ (а до 1637 г. Приказ казанского дворца) закупал в „книжном“ и „овощном“ рядах в Москве, или непосредственно на Печатном дворе, апостолы, евангелия, псалтыри, минеи, требники и другие богослужебные книги. В основном аналогичного характера книги привозили в Сибирь и купцы. Так, в 1640 г. на тобольском рынке таможенники регистрировали минеи, псалтыри учебные, служебники и часовники. Однако продавались книги и гражд-

¹ В кн.: «Исследования по языку и фольклору», вып. I. Новосибирск, 1965.

² Хранится в Секторе древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР.

³ Хранится в Рукописном отделе ИРЛИ АН СССР.

данской печати. Енисейские цензовые росписи 1649 и 1687 гг., наряду с богослужебными книгами, которых было большинство, отмечают и книги иного порядка — „Маргарит“, „Житие Николано“, „Книгу грамматик“, азбуки (стр. 303—304, разд. I).

Книга А. Н. Копылова:

«...Сибирский приказ (а до 1637 г. Приказ Казанского дворца) закупал в „книжном“ и „овощном“ рядах в Москве или непосредственно на Печатном дворе апостолы, евангелия, псалтыри, миинеи, требники и т. п. Когда в 1639 г. в Якутию выехали из Москвы первые воеводы П. П. Головин и М. Б. Глебов, они, наряду с другими грузами, везли церковные книги „в два острога к двум церквам“ (последняя фраза, в макете читающаяся в другом месте, оговорена мною в «Шисме в редакцию» как принадлежащая А. Н. Копылову. — Д. Л.). В основном же богослужебные книги привозили в Сибирь кушцы. В 1640 г. на тобольском рынке таможенники зарегистрировали миинеи, псалтыри учебные, служебники и часовники, при этом книги продавались в одних рядах с церковной утварью. Однако поступали книги и гражданской печати. Енисейские цензовые росписи 1649—1687 гг., наряду с богослужебными книгами, которых было большинство, отмечают книги иного порядка: „Маргарит“, „Житие Николано“, „Книгу грамматик“, азбуки» (стр. 17—18).

Сноски во всех приведенных отрывках совпадают полностью, а авторское участие А. Н. Копылова состоит, видимо, в «открытии» в России XVII в. книг «гражданской печати» (до сих пор, как известно, исследователи связывали их появление с указом Петра I от 1709 г. о введении гражданского шрифта).

II. Еще пример.

Доклад Е. К. Ромодановской:

«Сборник ГПБ 0.XVII. 17 интересен для нас также и тем, что свидетельствует о быстром проникновении в Сибирь сочинений русских писателей XVIII в. Владельческая помета указывает, что сборник был создан не позднее 1768 г., причем в этом году он уже обращался в Якутске — а между тем мы находим здесь полный круг произведений, возникших в период полемики вокруг сатир Ломоносова. Следовательно, произведения эти, распространявшиеся лишь в рукописях и долгое время запрещенные цензурой, дошли до Якутска уже в первое десятилетие своего существования» (стр. 43—44).

Статья Е. К. Ромодановской: «Сборник ГПБ 0.XVII.17 свидетельствует и о быстром проникновении в Сибирь сочинений русских писателей XVIII в. Судя по владельческой помете, он был создан не позднее 1768 г., когда он уже обращался в Якутске — а между тем мы находим здесь полный круг произведений, возникших в период полемики вокруг сатир Ломоносова. Следовательно,

ся лишь в рукописях и долгое время запрещенные цензурой, дошли до Якутска уже в первое десятилетие своего существования» (стр. 251).

Макет:

«Якутский сборник свидетельствует о быстром проникновении в Сибирь сочинений русских писателей XVIII в. Владельческая помета указывает, что сборник был создан не позднее 1768 г., причем в этом году он уже обращался в Якутске, а между тем мы находим здесь почти все произведения, возникшие в период полемики вокруг сатир Ломоносова. Следовательно, эти сочинения, распространявшиеся лишь в рукописях и долгое время запрещенные цензурой, дошли до Якутска уже в первое десятилетие своего существования» (разд. II, стр. 348).

Книга А. Н. Копылова:

«Якутский сборник интересен также тем, что свидетельствует о быстром проникновении в Сибирь сочинений русских писателей XVIII в. Судя по владельческой помете, сборник был создан не позднее 1768 г., и в этом же году он уже обращался в Якутске, а между тем мы находим здесь полный круг произведений, возникших в период полемики вокруг сатир Ломоносова. Следовательно, эти произведения, распространявшиеся лишь в рукописях и долгое время запрещенные цензурой, дошли до Якутска уже в первое десятилетие своего существования» (стр. 108).

Совпадения, как можно видеть, дословные, текст содержит важный вывод о времени появления в Сибири сатир Ломоносова, но в книге А. Н. Копылова нет никаких указаний на то, что вывод этот сделан Е. К. Ромодановской.

Приведем еще один пример, касающийся системы сносок на статью Е. К. Ромодановской в книге А. Н. Копылова.

Доклад Е. К. Ромодановской:

«...особую группу в агиографической литературе составляют жития апокрифические, с сильно развитыми эсхатологическими мотивами — о конце света, о страшном суде, о пути душ на небо. Видимому, этот тип жития был наиболее распространен: каждое из них мы находим в нескольких списках. Так, Житие Василия Нового с видением ученика его Григория — 4 списка (здесь и далее идут ссылки на архивные материалы. — Д. Л.); Житие Андрея Юродивого — 3 списка; Марка Афинского — 2 списка. Объяснить это можно не только общей популярностью эсхатологических мотивов в литературе XVII в., обусловленной бурными событиями русской истории. Интерес к подобным темам в Сибири необходимо связывать прежде всего с огромным распространением здесь старообрядцев, в учении которых сочинения об антихристе, о конце света и страшном суде занимали немаловажное место. В этой связи стоит обратить внимание на то, что почти все апокрифические жития дошли до нас в поздних списках, в ос-

новном к XVIII и особенно XIX в., когда рукописная традиция сосредоточивается почти исключительно в раскольничьей среде» (стр. 27).

Статья Е. К. Ромодановской о:

«...особую группу в агнографической литературе составляют жития апокрифические, с сильно развитыми эсхатологическими мотивами — о конце света, о страшном суде, о пути душ на небо. Каждое из житий этой группы мы находим в нескольких списках. Так, Житие Василия Нового с видением ученика его Григория — 4 списка, Житие Андрея Юродивого — 3 списка, Марка Афинского — 2 списка. Объяснить это можно не только общей популярностью эсхатологических мотивов в литературе XVII в., обусловленной бурными событиями русской истории. Интерес к подобным темам в Сибири необходимо связывать прежде всего с огромным распространением здесь старообрядцев, в учении которых сочинения об антихристе, о конце света и о страшном суде занимают немаловажное место. В этой связи стоит обратить внимание на то, что почти все апокрифические жития дошли до нас в поздних списках, в основном к XVIII—XIX вв., когда рукописная традиция сосредоточивается почти исключительно в раскольничьей среде» (стр. 236).

Ма к е т:

«В агнографической литературе заметное место занимают жития апокрифические, с сильно развитыми эсхатологическими мотивами — о конце света, о страшном суде, о пути душ на небо (Жития Василия Нового с видением ученика его Григория, Андрея Юродивого, Марка Афинского). Эсхатологические мотивы были популярны в русской литературе XVII в. В Сибири XVIII в. интерес к подобным темам усиливался наличием большого количества старообрядческого населения, игравшего немалую роль в литературной и общеобразовательной жизни края. В учении старообрядцев сочинения об антихристе, о конце света и страшном суде занимали заметное место. Неслучайно почти все апокрифические сочинения дошли до нас в поздних списках конца XVIII и XIX вв., когда рукописная традиция продолжала жить и развиваться почти исключительно в раскольничьей среде» (стр. 343—344).

К н и г а А. Н. К о п ы л о в а:

«В этот период заметное место в агнографической литературе занимают жития апокрифические, с сильно развитыми эсхатологическими мотивами — о конце света, о страшном суде, о пути душ на небо (жития Василия Нового с видением ученика его Григория, Андрея Юродивого, Марка Афинского — следует ссылка на статью Е. К. Ромодановской. — Д. Л.). В Сибири интерес к подобным темам усиливался наличием здесь большого количества старообрядческого населения, игравшего немалую роль в культурной жизни края. Неслучайно почти все апокрифические сочинения дошли до нас

в поздних списках конца XVIII и XIX вв., когда рукописная традиция продолжала жить почти исключительно в раскольничьей среде» (стр. 101).

Как видим, весь текст и, главное, вывод этого отрывка принадлежит, несомненно, Е. К. Ромодановской, однако А. Н. Копылов, подчеркивая ее заслуги «в сборе фактических данных», только на них и ссылается в своей книге, весь вывод приписывая целиком себе.

Подобные примеры можно было умножить, но и приведенные, на мой взгляд, достаточно убедительны.

Как ясно видно, все эти тексты бесспорно написаны Е. К. Ромодановской, но были включены в книгу А. Н. Копылова лишь с незначительной редакционной правкой — последний факт, подтверждаемый сравнением текстов, отрицать невозможно. Отбор и сокращение материалов в макете, на которые А. Н. Копылов ссылается в своем письме в доказательство своих авторских прав, также составляют не авторскую, а прежде всего редакторскую работу (и это входило, по-видимому, в обязанности А. Н. Копылова как члена редколлегии и ответственного секретаря II тома «Истории Сибири»).

Займствования из работы Е. К. Ромодановской в книге А. Н. Копылова по объему гораздо шире тех упоминаний архивных источников, при перемещении которых в текст своей книги А. Н. Копылов вынужден ссылаться и действительно ссылается на статью Е. К. Ромодановской (о чем упоминалось в моем «Письме в редакцию»). Эти займствования касаются не только фактов, но и их обобщений, концепций.

Мое «Письмо в редакцию» было посвящено в основном тому, как в книгу, вышедшую за единоличной подписью А. Н. Копылова, попали тексты и материалы, написанные другими лицами, в то время как близкий текст макета упоминает участие Е. К. Ромодановской и М. Г. Альшуглера. Ссылки А. Н. Копылова на положительные рецензии таких уважаемых специалистов, как В. И. Шунков и М. М. Громыко, никак не разрешают этого вопроса, так как не снимают личной ответственности автора за свое произведение. Рецензенты, естественно, рассматривали содержание текста, а не проблему его авторства. Кроме того, рецензентам, дающим оценку работы в целом, простительно не заметить отсутствие какой-либо сноски, что совершенно непросто автору.

В связи с этим хочется лишний раз подчеркнуть, что речь в моем «Письме в редакцию» шла прежде всего о книге А. Н. Копылова, а не о макете II тома «Истории Сибири», как это пытается изобразить А. Н. Копылов.

Если же, как хочет А. Н. Копылов, говорить о макете II тома, то его заявление о том, что все соавторы были указаны в оглавлении макета, ничем не доказано. Примечания к разделам о круге чтения бесспорно констатируют авторское участие Е. К. Ромодановской. А. Н. Копылов

сам себе здесь противоречит, признавая ниже, что Е. К. Ромодановскую, имя которой в оглавлении макета не называлось, «в известной степени» можно назвать соавтором. Стремясь всячески преуменьшить эту степень, А. Н. Копылов делает весьма удивительные, мягко выражаясь, заявления о том, что он мог переписать «без существенной редакции» материал из чужого исследования, «поскольку речь шла о конкретных фактах». Интересный взгляд на значение фактов (при этом собранных в архивах) в исследовании! Однако вместе с фактами переписались и концепции. Исходя из этих своих представлений, А. Н. Копылов очень спокойно признает, как нечто

вполне законное, опубликование им в своей книге атрибуций ряда произведений, сделанных М. Г. Альтшуллером, со ссылкой на свою же работу. Между тем А. Н. Копылов не мог не знать о публикуемой (одновременно с его книгой) статье М. Г. Альтшуллера, поскольку он сам был членом редколлегии сборника «Освоение Сибири в эпоху феодализма»; в таких случаях в научных изданиях принято получать разрешение автора и ссылаться на его статью, находящуюся в печати.

Надеюсь, что вопрос не потребует дальнейших более подробных разъяснений.

Д. Лихачев

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР, СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА»

Глубокоуважаемые товарищи!

Я должна сказать о нескольких фактах, о которых в письме А. Н. Копылова не говорится или говорится не совсем точно.

1. На стр. 379 своего письма А. Н. Копылов пишет: «...авторское поручение во II томе „Истории Сибири“, с вытекающими из него обязанностями и ответственностью, давалось только А. Н. Копылову, а Е. К. Ромодановская с начала и до конца участвовала в работе на условиях представления материалов к тексту, который готовил А. Н. Копылов». — Это не совсем так. На первых порах действительно речь шла только о предоставлении собранных мною материалов, но в период оформления макета мне было поручено по собственным материалам написать раздел (параграф) о круге чтения сибиряков. Эта работа и была мною выполнена, но черновики ее, к сожалению, тогда были отданы А. Н. Копылову (ответственному за главу) и у меня не сохранились. Текстологическая проверка легко устанавливает, что текст соответствующих разделов макета написан главным образом на моих материалах, при текстуральных совпадениях с моими другими работами. А. Н. Копыловым же осуществлено методическое руководство, перекomпоновка и сокращение материала, вставлены отдельные новые факты.

После обсуждения макета летом 1965 г. я по поручению редколлегии дорабатывала текст параграфов о круге чтения сибиряков для окончательного варианта «Истории Сибири» (черновики этой работы у меня сохранились).

2. На той же стр. 379 А. Н. Копылов пишет, что «для макета были подготовлены три варианта (редакции) текстов о круге чтения сибиряков и «все они выполнены А. Н. Копыловым, начиная с автографа первого варианта». Действительно, существует три варианта этого текста, но о том, что существует автограф первого варианта, написанный А. Н. Копыловым, я впервые узнала только из этого письма, т. е. до сих пор он в институте не был известен. Напротив, А. Н. Копылов неоднократно при мне говорил о том, что черновики макета утеряны.

3. Я должна сказать также, что «подобные ссылки» на мою статью в книге А. Н. Копылова (стр. 5) не покрывают всех написанных мною текстов: текст на стр. 22—26 написан на основании моих рукописей, представленных в свое время как материал для II тома «Истории Сибири» и до сих пор неопубликованных. Часть этих материалов (о русских писателях XVII в., бывших в Сибири в ссылке или на временной службе) использована мною, с большими дополнениями, в моей кандидатской диссертации. На основании другой части я подготовила статью «Видение томскому горожанину Григорию», которую в 1964 г. представила в очередной том «Трудов отдела древнерусской литературы», но, по соглашению с редактором тома В. И. Малышевым, от публикации временно отказалась.

4. В своем письме А. Н. Копылов не совсем точно представил мою роль в подготовке макета. По его письму, я оказывала ему помощь в написании разделов как лаборант сектора истории. Однако в период подготовки макета и представления туда материалов (1964 г.) я была сначала младшим научным сотрудником, а затем аспирантом Отдела филологии и тема «Русская литература в Сибири XVII—XVIII вв.» была моей плановой научной темой, а позднее стала темой моей диссертации. Статья «О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур» (в сб. «Исследования по языку и фольклору», вып. 1, Новосибирск, 1965) была первым итогом моей работы над плановой темой.

Мне представляется важным отметить свое фактическое положение в институте в период подготовки макета, потому что в данном случае это характеризует самый тип моей работы: работа лаборанта в помощь научному сотруднику по своему характеру совершенно не равна самостоятельной творческой работе внешнего автора, каким я была по отношению к группе II тома.

С глубоким уважением

Е. К. Ромодановская